

Володя Злобин

Родился в 1990 г. Публикации в журналах «Сибирские огни», «Москва», «Новый мир», «Урал» и др. Автор художественных и литературоведческих произведений, лауреат премии журнала «Сибирские огни» за 2017 г. (роман «Гул»). Родился в г. Новосибирске. Постоянного места проживания, телефона и адреса не имеет.

Кукушка

Кукушка подбежал к автобусу и, сверившись с секундомером, выпалил:

– Пятьдесят четвёртый на восемь, тридцать шестой – шесть!

Водитель пошарил в лотке с мелочью и протянул десять рублей. Кукушка спрятал монетку в карман и, когда автобус отъехал, щёлкнул секундомером. За стеклом стали складываться цифры.

Он странный был, этот секундомер. Не секундомер даже, а секундомеры: три прибора, смотанных скотчем в увесистый блок. Когда автобус приезжал на конечную, парень щёлкал кнопкой и сообщал водителю отставание от конкурента. Таких уличных диспетчеров называли кукушками – обитателями конечных кольцевых остановок, где в мороз и жару считали дорогие секунды.

Кукушке было уже за тридцать, но, несмотря на годы, к нему относились как к парню – высокому, крепкому и с тем рассеянным лицом, какие можно встретить на паперти. Ноги его были тонки и длинные, скруглённые плечи сутулились, и потому странно, как у цапли, выпирал живот. Кукушка был преисполнен той неопасной силы, которую никто не берёт в расчёт, ибо ясно – не будет применена. С утра до вечера он слонялся по остановке, щёлкал секундомерами, стучался в кабины и загибал пальцы согласно понятным только ему цифрам. К вечеру сетчатый жилет с кармашками оттягивала мелочёвка, живот казался ещё больше, и Кукушка степенно подходил к уставшим водителям как ещё один труженик. Он незаметно становился рядом и жалостливо просил:

– Люди, ну не курите, а?

Похожие на окурочки водители не спешили затапывать сигареты. Кукушка, распахнув простое лопухое лицо, начинал пугать:

– Здесь однажды дизель натёк. Кто-то бычок щёлкнул – и всё! Автобусы погорели!

Когда и это не помогало, Кукушка молил:

– Аваг, ну скажи им!

И тогда старый водитель Аваг выдыхал в печальные седые усы:

– Мужики, давайте уважим.

Сигареты уже были докурены и потому со смешком отправлялись в урны. Ликующий Кукушка вышагивал на длинных ногах:

– Не надо курить, люди. Курить – жизни вредить!

Зимой Кукушка напяливал прохоря, в которых ходят на охоту или стоят за уличным прилавком, летом щеголял в носках и сандалиях. Сетчатый жилет брэнчал поверх то рубашки, то истрескавшейся дублёнки. За год смотанные секундомеры обрастали грязной чёрной паршой.

Аваг рассказывал, что Кукушка тронулся от того пожара. Молодой водитель только встал на линию – и сразу же лишился автобуса. Кукушка ещё долго крутился возле подпалыны, но за руль сесть так и не решился. Вскоре он объявился на остановке – с секундомерами. Город делила одна из могучих сибирских рек, улицы перекинулись через неё путепроводами и мостами, грохотала железка, и на многих маршрутах царила сущая неразбериха.

– Восьмёрка – три! Только что ушла!

Водитель новенького красного автобуса даже не повернул головы. Кукушка стукнул в дверь, затем – ещё и уже хотел было сунуться с другой стороны, как из кабины гаркнуло:

– Да затрахал ты со своим временем! Я тебе сколько раз говорил – во!

И свирепого вида водитель показал навигатор:

– У меня все твои цифры бесплатно бегают! Все маршруты! Так что завязывай попрошайничать.

От обиды Кукушка начал заикаться:

– Я... я... я на сме-не!

– На какой смене ещё? – бушевал водитель. – Ты бы лучше на линии шуровал, о крысах предупреждал. Польза была бы. Вон, на Машку вчера за недостачу акт составили.

Из салона вывалилась женщина той властной дородности, что неминуемо влечёт в кондуктора:

– Олег, ты опять Кукушечку достаёшь? Пойдём, милый, я тебе булочку куплю.

– Я сам могу!

И Кукушка затряс гремливym жилетом.

– Сам-сам, – улыбнулась женщина.

Под смешки водителей Кукушка проследовал за Машкой в кафе.

– Кукуш, где невеста твоя? – ехидно крикнул Олег.

– Мы с ней переписываемся! – гордо ответил Кукушка, не заметив, как Машка погрозила напарнику кулаком.

Раньше кукушки стояли на каждой важной остановке. Они выбегали на дорогу, жестикулировали, на лету ловили монетки, а очумевшие водители устраивали гонки за пассажиров. Но с появлением навигаторов труд уличных диспетчеров перестал быть востребованным, и всего за несколько зим кукушки улетели с насиженных мест. Только здесь, на конечном отстое, остался последний – на длинных узловатых ногах, высокий, открытый и наивный, он будто не замечал, что его счёт никому больше не нужен.

Кукушку воспринимали если не как дурака, то уж точно как парня с приветом. Самый старый водитель, немногословный Аваг, всегда старался дать Кукушке побольше монет. Он порой ездил по минутам парня, из-за чего тот

вышагивал счастливым, пригрозившимся человеком. Кондукторша Машка защищала Кукушку от нападок Олега: мужик был единственным, кто гнал от себя диспетчера, хотя остальные водители, пусть и посмеиваясь, одаривали того денежкой.

– Ты как эти... в электричках. Два прихлопа без при-топа сделают – и плати. Типа не попрошайничаю, а представ-ле-ние! Пойми, все твои секунды у меня здесь, – Олег потряс навигатором, – ты бесполезняком маешься. Иди лучше на линию крыс палить. Тогда без вопросов, я тебе заплачу.

– Я тоже работаю! – запальчиво ответил Кукушка.

– Это не-ра-бо-та! Не-ра-бо-та! – отдельно прокричал Олег и вышел на маршрут.

Вслед ему Кукушка щёлкнул секундомером.

После одной из смен Кукушка заученно подошёл к курящим водителям. Вместе с ними стояла Машка, немножко выбившаяся, как тесто из кадушки. Заметив парня, она с грустью сказала:

– Вот и всё, Кукушечка. Променяли меня на этот, как его...

– Валидатор, – подсказал Аваг.

– Будет теперь вместо меня трудиться. А меня ликвидировали как класс. Скоро ни одного кондуктора не останется.

– А я теперь билечивать должен, – харкнул Олег, – мало того, что за дорогой следи, так ещё пеньков рассчитывай?

– Теперь поймёшь, почему я из-за размена ругаюсь. – И Машка подмигнула парню. – Так и не увижу твою невесту. Переписываешься с ней?

– Пе-ре-пи-ре-писываюсь, – запутался в слогах Кукушка.

Вскоре автобусы оборудовали валидаторами. Оставшийся маршрут, на котором работала другая контора,

всё ещё обслуживался кондукторами. В таких автобусах было уютнее и веселее. Машка сентиментально рассчитывала пассажиров, отрывая билетки, как листья. Водители поворчали, а затем приноровились принимать плату. Совсем замыленные, они всё чаще отмахивались от подсказок Кукушки.

В последний день работы Машка накупила в кафе пирожков, вынесла поднос с дымящимся чаем и пригласила всех к себе в автобус. Велюровая обшивка с таинственными узорами напоминала домашние ковры. Голубенькие шторы раскачивали золотистую бахрому. Казалось – отдёрни, а там сад со скворечником. В высоком тёмном уголке, рядом с данными о перевозчике, была прилеплена маленькая бумажная иконка. Кресло кондуктора устилала меховая накидка – то ли шуба, то ли сразу шкура, и Машка величественно утопала в ней, как настоящая королева.

– Давайте помянем, что ли, – предложила кондукторша.

И суровые мужчины, привыкшие орать друг на друга, и горластые кондукторши, наловчившиеся выпихивать пьяных, и тихий Аваг с вислыми понимающими усами, и громкий Олег, и даже Кукушка, осторожно присевший на краешек, – все вдруг почувствовали себя как в старом доме, которому вышел срок. От сдобы поднимался печной дух, закат распадался в стекле, и, как в чём-то торжественном, по салону плыли розовые пылинки.

Машка задумчиво спросила:

– Кукушка-Кукушка, сколько нам работать осталось?

Парень зачем-то посмотрел на секундомеры.

С уходом Машки он лишился заступницы. Над ним стали больше подтрунивать, и только Аваг со вздохом выслушивал жалобы диспетчера. Загнанные водители с неохотой пускали к себе Кукушку. Особенно лютовал Олег:

– Я за всех скажу: знаешь, с каким сердцем мы на отстой встаём? Там ты, пальцы гнёшь, в дверь ломишься... И прогнать нельзя! Вот обычно попрошаю можно ничего не давать, он же сам ничего тебе не даёт. А ты суетишься, шуршишь, как бы в стыд нас вгоняешь. Понимаешь? Мы от тебя откупаемся! Откупаемся! Ты же здоровый мужик, устройся уже на работу!

Кукушка неожиданно взвился:

– Я каждое утро в шесть встаю! Холод, жара – я всегда! Это работа!

– Польза-то какая от тебя? Я вот людей вожу. А ты?

– А я тоже по графику! С утра до вечера на ногах. Думаешь, легко это?

– Толк-то в чём? Что от тебя прибавляется?

– Я все воскресенья отстаиваю!

Это были две разные колоды, и вместе их не тасовали: водитель считал, что работой можно назвать только то, что приносит пользу, а Кукушка считал работой то, что даётся с трудом. Он претерпевал, значит – работал, в его подвиге был смысл, потому что от него гудели ноги и путался ум. Но никто не смог выразить противоречие. Началась толкотня, в которой мудрый Аваг вовремя предложил закурить.

– Люди, не надо курить, – сразу разнылся Кукушка. – Курить – жизни вредить.

– Лучше общаться с табаком, чем с дураком, – передразнил Олег.

Когда Кукушка понуро побрёл прочь, водила хохотнул: «С невестой пошёл переписываться!»

И может, однажды Кукушка незаметно бы не пришёл на работу, но вскоре что-то случилось в том хрупком невидимом царстве, которое все почитают за вечное. По всему городу пропала сеть. Люди непонимающе всматривались в телефоны, а потом оглядывались, будто

неподалёку должен стоять человек, который всё объяснит. Кукушка не сразу поверил, когда один из водителей украдкой спросил:

– Где там кто, а?

С каждым новым кругом к Кукушке подъезжало всё больше ослепших водителей, помаленьку втягиваясь в озорные догонялки. Автобусы лихо уносились с конечной, и пассажирам приходилось крепче цепляться за поручни. В городе начался великий праздник непослушания, шальной и немного опасный, какой всегда бывает, когда люди вспоминают себя. Весёлая гонка продолжалась весь день. Кукушке даже некогда было поесть. Он снял мешавший жилет и повесил его на дерево, и в ветер казалось, что на нём выросли тяжёлые червонцы.

К вечеру помолодевшие мужики столпились возле кафешки, беззлобно перебраниваясь друг с другом. Хвастались, кто кого подрезал и обошёл. А ещё много хвалили Кукушку.

– Как в старые времена, – заметил Аваг.

От улыбки уши Кукушки оттопырились ещё сильнее. Парня поддерживало сразу множество рук, и он в нетерпении перебирал ногами, будто пытающаяся взлететь птица. Даже Олег крикнул и протянул пятерню:

– Вот это работа! Это я понимаю!

Со стоянки бибикнула машина. Какая-то девушка махала собравшимся.

– Это ещё кто? – недоумённо спросил Олег.

– Да жена приехала! – ответил Кукушка.

Он сказал об этом совсем обыденно, будто не хотел ничего доказать. Так, просто. Была невеста – стала жена. Переписывались ведь. Парень помахал в ответ, и девушка села за руль.

– Же-ен-а-а... – протянул Олег, – Ну, брат, поздравляю! Надо Машке набрать, не поверит!

– Может, и за баранку вернёшься? – усмехнулся Аваг.

– Не, – отмахнулся Кукушка, – у меня только одна просьба. Не курите, а?

– Курить плохо, пить плохо. Все знают, всем по... – прокомментировал Олег, и мужики по-доброму рассмеялись.

А когда народ уже готовился расходиться, в конце улицы, что вела к остановке, стало нарастать необычное сияние. Впереди медленно ехал странный фургон с антеннами, а за ним – автобус с нашлапкой на крыше. В свете проблесковых огней фургон осторожно заехал на стоянку. Следом зарулил и автобус. В его кабине никого не было.

Из фургона высыпали люди с компьютерами. Повертевшись вокруг автобуса, они погоняли его туда-сюда. Автобус послушно закладывал виражи. В кабине скупо крутился руль. Салон был тёмн и пуст.

Окатив курящих мужиков космическими огнями, беспилотный автобус плавно ушёл на новый круг. Его проводили молча, под задумчивые сигареты. Они тлели, как малые отсветившие звёздочки. В полной тишине застоялся Кукушка:

– Ну не курите же, люди! Не курите! Зачем вы курите? Нельзя курить!

И люди, потупившись, один за другим затушили сигареты.